

DOI 10.26105/SSPU.2023.3.84.014
УДК 304:930.2(470+571)"1950/1980"
ББК 63.3(2)63-7

И.Н. РУСАНОВ

**НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
МЕТОДОЛОГИЯ Й. ХЕЙЗИНГА
КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО
АНДЕГРАУНДА СССР В 1950-Х – 1980-Х ГГ.**

I.N. RUSANOV

**THE SCIENTIFIC AND HISTORICAL
METHODOLOGY OF J. HUIZINGA
AS A TOOL FOR STUDYING THE EVERYDAY
LIFE OF THE MUSICAL UNDERGROUND
OF THE USSR IN THE 1950-S – 1980-S.**

В статье анализируются исторические взгляды нидерландского учёного Й. Хейзинга, а также предпринимается попытка выявления авторской методологии на примере монументального труда Хейзинга «Осень средневековья» для определения его приёмов по работе с историей повседневности. Цель: раскрыть возможности научно-исторической методологии Й. Хейзинга в изучении повседневности музыкального андеграунда СССР 1950-х — середины 1980-х гг. Материал и методы: основными источниками при написании работы послужили статьи Й. Хейзинга из сборника «Homo Ludens; Статьи по истории культуры», его монографическое исследование «Осень Средневековья», а также эссе «Культура Нидерландов в XVII веке». Среди методов, применяемых в настоящей работе, применялась методика контент-анализа в рамках работы в исследовательском поле «истории повседневности». Результаты и научная новизна: транслируется опыт применения данной методологии в рамках исследовательской работы с повседневностью музыкального андеграунда СССР 1950-х — 1980-х гг. как подтверждение возможности использования исследовательской стратегии нидерландского учёного в рамках современных научных исследований, в чем и заключается научная новизна настоящей работы.

This article analyzes the historical views of the Dutch scientist J. Huizinga, and also attempts to identify the author's methodology on the example of Huizinga's monumental work «The Autumn of the Middle Ages» to determine his methods for working with the history of everyday life. Purpose: to reveal the possibilities of the scientific and historical methodology of J. Huizinga in the study of the everyday life of the musical underground of the USSR in the 1950-s — mid-1980-s. Material and methods: the main sources for writing the work were J. Huizinga's articles from the collection «Homo Ludens», his monographic study «The Autumn of the Middle Ages», as well as the essay «The culture of the Netherlands in the XVII century». Among the methods used in this work, the methodology of content analysis was used in the framework of work in the research field of «the history of everyday life».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Йохан Хейзинга, история повседневности, история ментальности, музыкальный андеграунд СССР

KEY WORDS: J. Huizinga, history of everyday life, mental history, the USSR's musical underground culture

ВВЕДЕНИЕ. Йохан Хейзинга как учёный с большим трудом поддаётся однозначной классификации ввиду обширной сферы своего научного интереса, которая охваты-

вает различные области знаний: не только историческую, но и культурологическую и философскую. Все эти научные пристрастия переплетаются на страницах его трудов, что в конечном итоге рождает уникальный авторский стиль на стыке ряда обозначенных дисциплин. Именно Хёйзинга и его исторический подход во многом стали предтечей французской «Школы Анналов», поскольку одну из ключевых идей авторского подхода Хёйзинга впоследствии обозначил и активно развивал представитель первого поколения анналистов М. Блок [2, с. 73].

Однако и сама фигура Хёйзинга как учёного, и его методы вызывали активные споры в научном сообществе. Говоря о методологии нидерландского учёного, стоит в первую очередь обозначить её имплицитный характер. Она словно вплетена в структуру исследования и находится за рамками текста работы. Сам Хёйзинга никогда не выделял и не структурировал свои методы, ограничиваясь лишь концептуализацией своей исследовательской стратегии. Тем не менее, именно особое отношение Хёйзинга и нетрадиционный подход, проходящий на стыке истории, культурологии и философии, составляют базу той уникальной призмы, которую впоследствии научное сообщество назовёт «историей ментальностей», активно развивающейся во второй половине XX — начале XXI вв. Таким образом, фигура Хёйзинга и его подход к исторической науке являются базой для нескольких крупнейших и востребованных направлений в исторической науке, а изучение базовых принципов «истории ментальностей», заложенных нидерландским учёным, по целому ряду вышеобозначенных причин, безусловно, актуально и в наши дни.

ЦЕЛЬ статьи — раскрыть возможности научно-исторической методологии Й. Хёйзинга в изучении повседневности музыкального андеграунда СССР 1950-х — середины 1980-х гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основными источниками при написании работы послужили статьи Й. Хёйзинга из сборника «Homo Ludens; Статьи по истории культуры», его монографическое исследование «Осень Средневековья», а также эссе «Культура Нидерландов в XVII веке». Среди методов, применяемых в настоящей работе, применялась методика контент-анализа в рамках работы в исследовательском поле «истории повседневности».

В настоящей статье мы рассмотрим одну из концепций, разработанных Й. Хёйзинга и представленных наиболее ярким образом в его монументальном историко-культурологическом труде «Осень Средневековья», а также развиваемых в ряде его публичных лекций, докладов и эссе, вошедших в различные печатные сборники. Речь идёт о специфическом и во многом вступающим в яркий диссонанс с научной парадигмой позитивизма, главенствовавшей на тот момент в научном сообществе, принципе «культурной истории» или, если акцентировать внимание более точно — «истории ментальностей».

Данная идея, что закономерно, соединяет в себе все три яркие стороны самого Хёйзинга как субъекта научной деятельности — его тягу к постижению культуры, истории и философии [3, с. 2]. В то же время Хёйзинга и его «историю ментальностей» нельзя назвать в полной мере постпозитивистской, поскольку сам Хёйзинга свято верил в серьёзность исторической науки и истину как конечный продукт деятельности историка, в то же время отрицая позитивистскую идею эмпирической индукции и поиска единых, общих правил для познания общества.

Идеи Хёйзинга признаются новаторскими даже в относительно поздние периоды. Итальянский историк Овидио Капитани в предисловии к изданию работ Хёйзинга в 1974 году писал: «Что казалось странным в его историографическом методе (в сравнении с историографией XIX века), сегодня может быть охарактеризовано как определенная прелюдия к междисциплинарным исследованиям, к неевропоцентристской направленности исследований, что в настоящее время не только «концептуализировано», но и переживает стадию экзальтации» [7, с. 19].

Как заключал сам нидерландский учёный, история — «это духовная форма, в которой культура отдаёт себе отчёт о своём прошлом» и «культурный процесс» [4, с. 4; 6, с. 24]. Уже из этого определения можно вывести вектор мысли Хёйзинга, практически отождествляющего историю с историей культуры. Его не интересуют политические, экономические или социальные концепты истории в той же мере, как культурные её основания. В своей «Осени Средневековья» он не объясняет исторический процесс, а представляет его как многогранный феномен. Он не рационализирует историю, а напротив, сопротивляется этому, отвергая общие принципы и идею повторяемости истории.

История у Хёйзинга — живая и многоликая, а потому изучение её возможно лишь в рамках работы с «идеалом эпохи», конструирование которого осуществляется через исследование форм жизненного уклада и мышления в определённый исторический период. Учёный стремится понять эпоху изнутри, увидеть в ней живую культуру. Этой линии Хёйзинга придерживается и в наиболее значимой своей исторической работе — «Осень Средневековья». Работая над «Осенью...», учёный ясно даёт нам понять, что на примере средневекового общества можно чётко установить, что масса явлений не поддаётся анализу экономико-политических явлений и процессов, а выходом и способом постижения истины в данном случае может выступать только «общий тон жизни эпохи» и особенности восприятия человека данного исторического периода.

Авторская концепция, представленная в «Осени Средневековья», базируется прежде всего на внимании к эмоциональной сфере, которая была максимально ярко выражена у жителей средневекового общества. Средневековый человек постоянно находился в эмоциональном возбуждении, люди были подвержены своего рода эмоциональным качелям, которые крайне быстро меняли своё положение: от восхищения к гневу, от подавленности к эйфории, от неуверенности к самодовольству и т.д. Этот человек предстаёт нам крайне чувствительным — слёзы, страдания, обмороки постоянно случаются не только у женщин, но и у мужчин. Он любит яркие цвета, контрастные (порой жестокие) зрелища. Он опирается на чувственное познание окружающего мира существенно сильнее, чем человек современный: слушает, смотрит, нюхает и пробует на вкус. Все эти процессы как будто бы гиперболизированы по сравнению с современностью. Также невероятно сильны страхи средневекового человека. Средневековый человек — существо неуверенное, на чём активно пытаются играть ключевые акторы того времени — государство и церковь, постоянно подстёгивая это чувство и актуализируя его в удобной им ситуации и в необходимом направлении [1, с. 137–138].

Подобный подход и являлся методологией истории ментальности в современном понимании — отношением к истории как к истории культуры [5, с. 16]. Он оказался крайне удачным и позволил Хёйзинга выявить кризисные эпохи и переходные этапы как точки столкновения ментальностей в истории.

Хёйзинга призывает обращаться к культуре не только в рамках исторической науки, но и любой науки вообще: «Всякая наука, стремящаяся быть полноценной, должна внедриться в культуру и плодоносить в ней» [6, с. 236].

Обращаясь к другим схожим работам учёного, «Эразм» и «Культура Нидерландов в XVII в.», можно обнаружить определённый интерес с его стороны к переходным этапам исторических эпох. Очевидно, что его привлекают моменты перехода из одной исторической эпохи в другую, в которых смешиваются множество старых и новых идей и обнаруживаются уникальные черты.

Разрабатывая различные аспекты того, что в будущем назовут историей ментальности, Хёйзинга пользовался специфическим инструментарием, который впоследствии называли структурами повседневности, однако в данном случае речь идёт о несколько иных структурах, нежели писал Ф.Бродель во втором томе своего монументального труда «Материаль-

ная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.». Хёйзинга как историк культуры формирует несколько иное поле повседневности — эмоциональную жизнь. Потому и его инструментарий в виде структур представляется совершенно иным, нежели те структуры, что использовал его коллега из знаменитой французской «Школы Анналов». Структуры повседневности эмоциональной жизни у Хёйзинга, на основе анализа «Осени Средневековья», представляются нам следующими: структура ценностей (что обладало наивысшей ценностью для человека данного времени? чем пренебрегали? как эти ценности отражены в тексте?); представления о морали (какие мысли, чувства, слова, поступки расценивались как этические, а какие, с точки зрения представителей ментальности, лишены этого статуса?); эстетические представления (что входит в сферу эстетического и каковы возможные источники этой эстетики?); эмоции и переживания (какие эмоции упоминаются в тексте? что вызывает эти эмоции?); цвет (какие цвета упоминаются в тексте с завидной частотой? чем это может быть объяснено?); звук (какие звуки упоминаются в тексте? каково происхождение звуков? какова роль тех или иных звуков в жизни людей?)¹.

Несмотря на множественные обвинения со стороны учёных-современников, в том числе и в отсутствии у Хёйзинга методологии, история всё расставила на свои места, и Хёйзинга был назван первопроходцем нового направления в исторической науке — «истории ментальностей», из которого выросли многие исторические подходы, понимание и постоянное обращение к которой являются ключом к верной интерпретации истории определённого исторического периода.

Таким образом, история ментальности и её основные принципы, заложенные в трудах Й.Хёйзинга, представляются как история культуры конкретного общества в определённом динамическом срезе его существования, воссозданная благодаря его «структурам повседневности», основанным на анализе эмоциональной жизни общества, и анализируемая «изнутри» этого общества, с максимальным учётом его эссенциального и экзистенциального наполнения, что в итоге позволяет формировать устойчивый и многогранный образ мировоззрения и мировосприятия человеком самого себя и окружающей действительности в данный исторический период.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В рамках работы в исследовательском поле советской повседневности нами была применена вышеобозначенная методологическая база и написана и продолжает развиваться исследовательская работа, связанная с повседневностью музыкального андеграунда 1950 — середины 1980-х годов СССР, в которой применение структур повседневности Й. Хёйзинга являлось одной из ключевых методологических основ, что в конечном счёте позволило проследить генезис идей и настроений внутри неофициальной музыкальной среды ключевых центральных городов СССР (а также Омска как представителя периферии), определить специфику данных локусов через выявление и впоследствии анализ посредством структур повседневности Й. Хёйзинга общих и уникальных факторов, влияющих на музыкальный андеграунд внутри этих субъектов. Для этого привлекались различные виды источников: воспоминания представителей музыкального андеграунда, тексты песен, фрагменты интервью, различного рода аудиовизуальные источники, что в конечном счёте позволило не только выявить формы (те самые структуры), но и трактовать их содержание на основе выявления причинно-следственных связей.

Рассмотрим на конкретных примерах, сопоставив два крупнейших центра музыкального андеграунда СССР 1960-х — начала 1970-х годов: Москву и Ленинград.

На этапе становления музыкального андеграунда и первичной адаптации в 1960-х — начале 1970-х годах, помимо ряда общих тенденций в структурах повседневности, наблюда-

¹ См. Хёйзинга Й. Осень Средневековья (любое издание). Глава 1. Яркость и острота жизни.

ются и некоторые особенности, например, только для Москвы данного периода актуальна ценность иронии («стёба»). Песни «Ты поила коня»², «Баллада о водосточной трубе»³, «Солнце над нами»⁴ содержат в себе немалую долю сатиры, поднимают социальные темы: стагнация общества, перемены, которые сделали хуже, чем было, жестокость и доминанта технического прогресса над искусством.

Все эти темы, выраженные, пусть и в весьма ироничной манере, соответствуют ещё одной ценности московского андеграунда 60-х — начала 70-х — самоопределение и поиск пути: «Старый крест»⁵, «Рассуждения»⁶, «Найти бы дорогу»⁷, «Где тот край»⁸, «Помогите»⁹. Музыкантов заботит вопрос будущего — как своего собственного, так и в широком масштабе. Чувство неизвестности, неуверенности, стремление к решению этой проблемы часто встречается среди немногочисленного музыкально-песенного материала, оставленного музыкантами 60-х — начала 70-х после себя.

В это же время в Ленинграде доминируют ценности дружбы и коллективности: «Смеющиеся»¹⁰, «Марсель»¹¹, «В жизни раз бывает восемнадцать лет»¹², «Это в нас навсегда»¹³. Тематика молодёжной романтики, общения, веселья и совместного времяпрепровождения, безусловно, доминирует, наряду с любовной линией, в текстах песен команд Ленинграда 60-х — начала 70-х. Кроме того, именно в Ленинграде прослеживается лейтмотив Родины и веры в будущее: «Солдат»¹⁴, «Домик надежд и грёз»¹⁵, «Кремлёвские куранты»¹⁶, «Разговор двух соседей»¹⁷. В этих песнях прослеживается уважение и любовь к Родине, вера в будущее и некая уверенность в пути, на котором находится общество и государство в данный момент. Эти и некоторые другие песни, в которых прослеживаются ноты гордости и уверенности, позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на глубокую симпатию к западному образу жизни и культуре, сохраняется также и идентичность советская, создавая ситуацию некой «двойной идентичности» в сознании музыкального андеграунда, которая будет существовать на протяжении 1960-х и начала 1970-х годов в музыкальной культуре Ленинграда.

Определённая уникальность прослеживается и в вопросах морали. Для Московского музыкального андеграунда данного периода ценным является поиск себя и жизненного пути, юмор и активность, в то время как стагнация, ложь, пассивность представляются отрицательным, что не прослеживается в Ленинградском музыкальном андеграунде.

Эмоциональная сфера московского андеграунда также проявляется в определённой настороженности: восторг и влюблённость сменяются тоской и сожалением, а затем наполняются возбуждением и легким сарказмом, раскрывая хоть и беспечный, но слегка опасливый характер творчества столичных андеграундных коллективов.

² Песня группы «Оловянные Солдатики» с магнитоальбома 1972 года — «Рассуждения».

³ Там же.

⁴ Песня группы «Сокол» с магнитоальбома 1970 года — «Где тот край».

⁵ Песня группы «Оловянные Солдатики» с магнитоальбома 1972 года — «Рассуждения».

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Песня группы «Сокол» с магнитоальбома 1970 года — «Где тот край».

⁹ Песня группы «Машина Времени» с альбома 1999 года — «Песни 1969 — 1976 годов».

¹⁰ Группа «Аргонавты». Песня с магнитоальбома «Записи 60-х».

¹¹ Группа «Аргонавты». Песня с альбома «Запись 2003. Антология 1965 — 1970».

¹² Группа «Савояры». Песня с концерта 1969 г. в Ленинграде.

¹³ Группа «Лесные братья». Песня с концерта 1967 г. в Ленинграде.

¹⁴ Группа «Кочевники». Песня с концерта 1968 г. в Ленинграде.

¹⁵ Группа «Аргонавты». Песня с магнитоальбома «Записи 60-х».

¹⁶ Там же.

¹⁷ Группа «Савояры». Песня с концерта 1969 г. в Ленинграде.

Цветовая палитра андеграунда обеих центров также разнится уже на раннем этапе: оранжевый, белый, голубой, что говорит о чистоте, лёгкости и беспечности этого первого поколения советского музыкального независимого движения в Ленинграде, несколько разбавляются оттенками, характерными для Москвы — серый и коричневый как цвета, привычные для дорожного покрытия, зелёный и жёлтый как цвета природы и жизни.

Подобная уникальность структур повседневности музыкального андеграунда СССР в Москве и Ленинграде соотносится с политической ситуацией в городах: если Ленинград 1960-х — начала 1970-х гг. представлялся относительно свободным, в отношении неофициальной музыки серьёзных гонений и ограничений не наблюдалось, то становление московского музыкального андеграунда происходило в атмосфере сопротивления со стороны власти.

Ограничения, сопровождающие первые шаги молодого андеграунда, вызывали защитную реакцию в виде сатиры («стёба») над подобным отношением со стороны власть имущих, отчаянных поисков собственного пути к возможности заниматься любимым делом, которые происходили в условиях еще оформляющегося, а значит, крайне разрозненного состояния внутри новоявленного музыкального андеграунда в столице.

ВЫВОДЫ. Инструментарий и подход к исторической науке, разработанный нидерландским учёным, базирующийся на анализе истории как динамичного, живого процесса развития культуры, ориентированный на анализ структур повседневности эмоциональной жизни у «молчаливого большинства», может выступать как возможная методологическая база для современных исторических исследований на стыке истории и культурологии в рамках различных подходов, в том числе истории ментальностей и истории повседневности. Они позволяют сформировать представление о ценностной структуре определённого общества, мировоззрении, мировосприятии и в конечном итоге служат для конструирования того самого «идеала эпохи», о котором писал Й. Хёйзинга. Благодаря данному подходу становится возможным проследить наличие изменений и характер пограничных состояний переломных моментов в истории на стыке эпох, что показало практическое исследование в рамках анализа музыкального андеграунда СССР 1950-х — середины 1980-х гг. В рамках данного исследования инструментарий Хёйзинга позволяет выделить этапы развития музыкального андеграунда, проследить тенденции развития в определённых сообществах и выделить эти сообщества, установить общие и особенные черты различных локальных сообществ музыкального андеграунда, а также проследить за их реакцией на определённые внешние изменения среды (как в политическом, так и в социокультурном аспекте).

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетова В.А. Эстетические аспекты изучения культуры повседневности // Царскосельские чтения. 2013. № XVII. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskie-aspekty-izucheniya-kultury-povsednevnosti> (дата обращения: 05.04.2022).
2. Арьес Ф. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. Сост. Е.М. Михина. М., 1996. 255 с.
3. Степанова А.А. Теоретические подходы в осмыслении культуры повседневности // Наука, образование и культура. 2017. № 7 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-v-osmyslenii-kultury-povsednevnosti> (дата обращения: 04.04.2022).
4. Тавризян Г.М. Йохан Хёйзинга: кредо историка // Хёйзинга Й. Homo Ludens...С. 414.
5. Хёйзинга Й. Осень Средневековья: исслед. форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах / Й. Хёйзинга; пер. Д. В. Сильверстова; ст. А. В. Михайлова; коммент. Д. Э. Харитоновича; отв. ред. С. С. Аверинцев; АН СССР Р. М.: Наука, 1988. 540 с. — (Памятники исторической мысли).

6. Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. Комментар. Д. Э. Харитоновича М.: Прогресс — Традиция, 1997. 416 с.
7. Huizinga J. La scienza storica. Introduzione di Ovidio Capitani. Roma — Ban, 1974. 478 p.

REFERENCES

1. Ajrapetova V.A. *Jesteticheskie aspekty izuchenija kul'tury povsednevnosti* [Aesthetic aspects of studying the culture of everyday life] // Carskosel'skie chtenija. 2013. № XVII. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskie-aspekty-izuchenija-kul'tury-povsednevnosti> (data obrashheniya: 05.04.2022). (In Russian).
2. Ar'es F. *Istorija mental'nostej* [History of mentalities] // Istorija mental'nostej, istoricheskaja antropologija: zarubezhnye issledovanija v obzorah i referatah. Sost. E.M. Mihina. M., 1996. 255 s. (In Russian).
3. Stepanova A.A. *Teoreticheskie podhody v osmyslenii kul'tury povsednevnosti* [Theoretical approaches in understanding the culture of everyday life] // Nauka, obrazovanie i kul'tura. 2017. № 7 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-v-osmyslenii-kul'tury-povsednevnosti> (data obrashheniya: 04.04.2022). (In Russian).
4. Tavrizjan G.M. *Johan Hjozinga: kredo istorika* [Johan Huizinga: The Historian's Creed] // Hjozinga J. Homo Ludens...S. 414. (In Russian).
5. Hejzinga J. *Osen' Srednevekov'ja: issled. form zhiznennogo uklada i form myshlenija v XIV-XV v. vo Francii i Niderlandah* [The Autumn of the Middle Ages, The Waning of the Middle Ages, or Autumntide of the Middle Ages] / J. Hejzinga; per. D. V. Sil'verstova; st. A. V. Mihajlova; komment. D. Je. Haritonovicha; otv. red. S. S. Averincev; AN SSS R. M.: Nauka, 1988. 540 s. (In Russian).
6. Huizinga J. *Homo Ludens Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens. Proeve eener bepaling van het spel-element der cultuur] komment. D.Je. Haritonovicha. M.: Progress — Tradicija, 1997. 416 s. (In Russian).
7. Huizinga J. *La scienza storica. Introduzione di Ovidio Capitani*. Roma — Ban, 1974. 478 p. (In English).